

Прежде чем начать очерк о своём непосредственном начальнике, Константине Яковлевиче Седове, под руководством которого проработал более двадцати лет, я обзвонил ветеранов завода и спросил, как они относятся к деятельности бывшего главного инженера «Сигнала». В большинстве своём получил положительный ответ: дело своё знал, хотя характер у него был мухоморный. Хотя Василий Аристархович Шипулин, директор завода в 1957–1985 годах, это слово не одобрил: «Ничего не мухоморный, просто человек порядок во всём любил и был принципиальный». Да, сегодня нашему обществу как раз и не хватает принципиальных людей.

С начала войны Седов работал в 104 цехе сменным инженером. В 1946 году Константина Яковлевича назначили начальником техбюро того же цеха. Через три года он становится заместителем главного технолога, а в 1951 году – главным технологом.

МЕТАЛЛ И РОЗЫ ИНЖЕНЕРА СЕДОВА

Ещё шла война, когда началось дробление завода: часть приборов передали в Уфу и Ульяновск, многие специалисты вернулись в Москву, на первый и второй Московские приборостроительные заводы, в Раменское. В 1949 году более половины из оставшихся на мясокомбинате людей передислоцировалась в Саратов, там на базе военной мебельной фабрики им. Каменева (район Стрелки) построили корпуса, так родился саратовский электроприборостроительный завод имени Серго Орджоникидзе. А на мясокомбинате вместо огромного завода (в войну здесь работало пять с половиной тысяч человек) остался небольшой, всего восемьсот человек, филиал завода Орджоникидзе. И этот филиал вновь вырос в завод союзного значения (десять тысяч работающих в 1980-х годах).

Один год тем филиалом руководил Седов, это где-то 1950–1951 год. Как мне рассказывал его сын, Алексей Константинович, отцу тоже предлагали возвратиться в столицу, но на семейном совете единодушно отказались покинуть волжские берега.

До 1955 года Седов работал заместителем начальника производства, а с 1955 года – начальником производства. Константин Яковлевич Седов был исключительно трудолюбивым, честным и – абсолютным трезвенником, даже не курил. Когда я был в 1968 году на собеседовании у главного инженера 5-го Главного управления Министерства авиационной промышленности, а затем у Юрия Алексеевича Затеякина, заместителя министра, они отзывались о Седове как о культурном, интеллигентном человеке.

Но у Константина Яковлевича была одна черта, которая мешала жить окружающим – вездливость. Всегда он старался за что-то зацепиться. Посещая цеха, обязательно находил, к чему придраться, и отчитывал начальника цеха. Помню такой случай. В 1964 году я работал секретарём парткома, и вот однажды в восемь часов вечера ко мне в сад прибежал дежурный по заводу с известием, что Седов поскакал с начальником 39-го цеха. Я поспешил в тот цех. Забегаю в кабинет начальника цеха, там на лавке лежит Христофор Павлович Тареканов и глотает валидол, а Константин Яковлевич Седов бегаёт по кабинету, но уже успокоившись. Видимо, Христофор Павлович проявил свой грузинский темперамент.

Другой случай связан с подписью Седова. Он обычно подписывал доку-

менты двумя нечёткими буквами – КС. Однажды старший военпред Андрей Николаевич Овчинников, мой сосед по дому № 10, забрал партию приборов из-за нечёткой подписи и главного инженера, и мне стоило больших трудов (благо, партийные органы как-то влияли, в том числе и на военпредов) убедить его, что Седов не может по-другому расписываться.

А вот ещё один случай. Константин Яковлевич пришёл в 11-й цех, и ему Валентин Петрович Блошкин показал, как на индукционной плавильной печи они делают предварительный разогрев докрасна заготовок из нержавеющей стали Х18Н9Т перед штамповкой ПРМовских штуцеров (ПРМ – пневматическое реле манометрическое). Седову понравилось это новшество. Валентин только женился и хотел уволиться, чтобы где-то получить квартиру, тогда ему Седов говорит: «Вот мне дали три квартиры для молодых специалистов, одну из них я даю тебе!» И слово своё сдержал. Вот такой сложный характер был у главного инженера.

Самое главное, на мой взгляд, было то, что на заводе отработали чёткую организационно-производственную систему, и в ней Константин Яковлевич Седов выполнял свою роль до тех пор, пока сложная техника не переросла его.

Все начальники технических отделов знали свои функции, и Константину Яковлевичу приходилось только контролировать и давать взбучку, когда случались нарекания со стороны производства. Выполнялся план внедрения новой техники, обеспечивающей рост производительности труда, ежегодно осваивали до двад-

цать пять новых приборов разработки нашего ОКБ, московского и других разработчиков. Константин Яковлевич ежедневно контролировал 23-й инструментальный цех, отдел механизации и автоматизации с подчинённым ему 06 цехом по изготовлению нестандартного оборудования. Это они внедряли неконтактную резьбу, крестообразные шлицы, пушечные свёрла, намоточные станки для изготовления потенциометров из провода тоньше человеческого волоса (да потом ещё ухитрялись с того провода одну треть диаметра сошлифовывать!) и многое другое. Инженер отдела механизации и автоматизации Виктор Иванович Николаев, с которым мы не раз бывали в командировках в поисках нового в технике, говорил мне, что Седов всегда помогал им и положительно отзывался о нём. И если учесть, что в 1960–1970-е годы наш «Сигнал» очень часто занимал призовые места среди предприятий авиапрома, то, несомненно, в том была заслуга и главного инженера К.Я. Седова, кавалера орденов Трудового Красного Знамени и «Знак Почёта».

В 1971 году его назначили главным конструктором отдела механизации и автоматизации, а вскоре он ушёл на пенсию. У него было, можно сказать, пожизненное хобби. Всю

жизнь увлекался животными и растениями. У него был самый лучший сад, в котором он выращивал новейшие сорта яблок и груш, любопытные кустарники. Палисадник финского домика № 29, в котором жили Седовы с 1953 года, заполняли плодовые деревья и цветы. Однажды Константин Яковлевич сказал мне, что он вырыл погреб глубиной три метра: в нём будет сохраняться постоянная температура зимой и летом. Как-то он подарил мне плоды

грецкого ореха и рассказывал, как из них вырастить саженцы. У меня это отлично получилось, хотя плодами не пришлось пользоваться: дерево разрослось в пол-огорода, а орехов – два десятка.

Уйдя на пенсию, Константин Яковлевич устроился в ЖКО озеленителем. Многие с благодарностью вспоминают, как он организовал питомник: за территорией завода ему отвели участок земли, где он выращивал саженцы, которые потом сам же и сажал в посёлке Приволжском. Аллея от проходной «Сигнала» до остановки автобуса «Заводская» – это своеобразный памятник Константину Яковлевичу.

Не могу не отметить его положительную черту – доброе отношение к родственникам. Несколько раз мне доводилось выполнять просьбу Константина Яковлевича – передавать деньги его пожилой матери, которая жила на Даниловском валу в Москве, и его сестре, жившей в Черёмушках.

Вот такой был Константин Яковлевич Седов.

Иван Андреевич АКИМОВ

На снимках: празднование Дня молодёжи на площади возле ДК «Восход», 26 июня 2009 года; аллея от проходной завода «Сигнал» до шоссе Энгельса – Квасниковка.

с. Квасниковка
Энгельсского района

НЕТРЕЗВЫЕ СТАНДАРТЫ

Сначала я подумал, что это первоапрельская шутка: в программе Наталии Бехтиной «От первого лица» на «Радио России» 15 февраля сего года депутат Государственной Думы Олег Николаевич Смолин рассказывал о выступлении на заседании Думы министра образования Фурсенко, который представил депутатам предполагаемые для введения в жизнь образовательные стандарты, то есть обязательства государства перед подрастающим гражданином: что оно, государство, обязано дать человеку, а чего он не вправе требовать.

Вот содержание этих стандартов и показалось мне первоапрельской шуткой, однако двадцатиградусный мороз на улице охладил моё воображение: нет, не шутка, а наших детей всерьёз хотят лишить будущего. Судите сами: государство обязуется дать старшеклассникам знания только по четырём предметам: «Россия в мире» (что это за предмет, мне не ясно), «Основы безопасности жизнедеятельности» (в наш век терроризма и всеобщей расхлябанности предмет нужный: каждый должен уметь выживать в этом волчьем мире), физкультура и ещё какой-то новый предмет, название которого я не запомнил. Ни математики, ни физики, ни истории, ни русского языка с литературой! То есть наших ребят будут учить некоторым этим предметам, но вот именно – некоторым: каждый старшеклассник должен выбрать, какой предмет он станет изучать: русский язык или литературу, физику или химию, историю или обществознание. Ведущая передачи посоветовала: мы в цивилизацию стремимся, а иностранный язык детям не будут преподавать. Депутат Смолин успокоил её: школьник может изучать в школе даже два иностранных языка, но взамен должен будет отказаться от изучения, скажем, математики и русского языка. Саркастический комментарий Олега Николаевича был убийственен: «Раб должен быть здоров и знать язык своего хозяина».

Этот афоризм позволил мне понять, что образовательные стандарты разрабатывали и пытаются пролоббировать их принятие Думой отнюдь не дураки, а циники: конечно же, всякий нормальный родитель не позволит своему чаду быть полубразованным и... Правильно, наём для сына или дочери репетиторов по тем предметам, которые не войдут в число обязательных для преподавания в государственной школе. То есть государство перекладывает на хрупкие плечи родителей обязанность готовить будущих академиков и профессоров. Да что там: просто грамотного инженера не смогут 90 процентов родителей воспитать из своего ребёнка: при их-то зарплатах!

Олег Николаевич Смолин привёл такой пример: в советские годы наша страна входила в тройку государств с самым высоким уровнем образования. За время министерского служения Фурсенко Россия опустилась в этом рейтинге с 15 на 61 место на планете. А если будут введены стандарты в редакции Фурсенко, то мы откатимся сразу же во вторую сотню.

Документ, представленный министром на обсуждение, внешне выглядел привлекательно: там прописано, что детям будут предоставлены возможности приобщаться к искусству, к спорту и т.п. и т.д., только оговаривается: всё это – спортзалы, танцзалы и прочее – должна предоставлять школа на бюджетные и спонсорские деньги. Сколько выделяется бюджетных средств на образование – мы знаем (каждый год он увеличивается на один процент при десятипроцентной инфляции), а о спонсорах помолчим.

Ещё один подводный камень стандартов. Всего на шестьдесят процентов школа обязана предоставлять общие знания, а остальные – на выбор дирекции школы, то есть ученик, переходя в другое учебное заведение, может оказаться в ситуации, когда он не сможет продолжать учение, так как набор предметов не совпадёт с тем, который был в его прежней школе. Между тем известно: если нет единства на семьдесят процентов, то единое информационное пространство распадается. Это раньше от Калининграда до Камчатки дети изучали одни и те же законы Ньютона, а ныне предлагается одним изучать физику, другим – химию, а вместе и тот, и другой ученик будут образованы наполовину.

Вот такую очередную реформу пытаются внедрить министерские чиновники. Жалко учителей: они бояться возражать, поскольку полностью зависят от работодателя, то есть министерства образования. Жалко и детей: их лишают возможности соответствовать современным требованиям жизни, обрекая на роль низкоквалифицированной рабочей силы, способной обслуживать лишь добычу полезных ископаемых.

Николай ХОХЛОВ
г. Энгельс